

В шутовских документах «Собора» широко использован язык «небывальщин», «проказ». Истоки их понятий, их словарного состава лежат в смеховой литературе, в народной поэзии русского XVII в.⁹⁰ Читая, как отправляются на свадьбу князь-папы Анникиты Зотова в 1714 г. приближенные Петра в потешных костюмах, с барабанами, дудочками, сурнами, ложками с колокольчиками и многими другими шумовыми и музыкальными инструментами (один их перечень может составить энциклопедию музыкальной культуры того времени), можно вспомнить мышей, из которых кто в «бубен бьет», кто в «волынку играет», кто «в сурну играет, а ладу не знает». Вводя нас в мир особого театрального действия — веселого карнавального шествия, гравюра напоминает о маскараде в Москве в 1722 г., где среди шестидесяти разнообразных саней с ряжеными были санки, запряженные четырьмя пестрыми свинками, и сани, которые везли шесть медведей.⁹¹

Гравюра о похоронах кота если и родилась на основе притчи или интермедии, то дошла до нас в виде самостоятельного законченного произведения. Единство двух равноправных художественных компонентов — текста и изображения — создает в ней совершенное целое. Текст не существует отдельно, его нельзя вычлени из картинки, как это можно сделать в таких разделенных на кадры-иллюстрации современных гравюрах, как «Библия Кореня», «История об Иосифе Прекрасном», «Притча о Лазаре». В «Погребении кота» каждая часть текста, приближаясь по смыслу к ремарке театральных пьес того времени, представляет зрителю происходящее: а вот поглядите — «мышь в бубен бьет», а вот перед вами — «мышь пирожница пищит, пироги тащит».

При толковании картинки особое внимание исследователей привлекает титул «кот казанский, ум астраханский, а разум сибирский». Ровинский (аргумент I) рассматривал его как первое доказательство того, что под видом кота изображен Петр I. Он не учитывал, однако, что для пародирования скорее был бы использован императорский титул, вызывавший протест и возмущение поборников старины. Превратив картинку в похороны владыки, титул, кажется, внес в нее социальную ноту, а напомнив о собы-

⁹⁰ Сравним, например, составленное Петром I потешное приглашение на свадьбу Зотова «лучшего из пустых хвастунов Белохвостова, который кроме души весь в заплатах... сумасбродных и сварливых по именам и немного их и все в лицах... над всеми бочками коменданта и пьяницу и едуна...» Ряд мест в документах «Всешутейского Собора» дословно перекликается с текстом «Шутовской комедии» (Ранняя русская драматургия. Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974, с. 399, 401, 418). В комментариях отмечена близость завещания шута и «Обряда рукоположения» (там же, с. 528). Сопоставление документов Собора с русским раешным стихом см. в статье Л. С. Шептаева «Русский раешник XVII в.» (Ученые зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Л., 1949, т. 87, с. 41).

⁹¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1858, ч. II, с. 61—82. Немецкая гравюра, изображающая маскарад, хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Гос. музей истории искусств).